

Бартасюк Максим Валерьевич**Bartasyuk Maksim Valeryevich**

аспирант Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

PhD student, Far East Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ СЛУЖБЫ И БЫТА ВОЙСК НА БОЕВУЮ ПОДГОТОВКУ И НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (НА ПРИМЕРЕ ПРИАМУРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1884–1900 ГГ.)

INFLUENCE OF SERVICE AND LIVING CONDITIONS ON COMBAT TRAINING AND MORAL QUALITIES OF MILITARY PERSONNEL (BY A CASE STUDY OF THE PRIAMURYE MILITARY DISTRICT IN 1884–1900)

Аннотация:

В статье рассматривается процесс создания и формирования Приамурского военного округа. Выделяются и описываются характерные особенности службы и быта войск округа. Предпринята попытка оценить состояние нравственных качеств военнослужащих. Повышение уровня боевой готовности и боеспособности армии, укрепление обороноспособности государства в целом находится в тесной взаимосвязи с формированием и развитием духовных основ мировоззрения военнослужащих, которые проводятся через следующие виды воспитания: политическое, патриотическое, воинское, нравственное, эстетическое, физическое, правовое и др. В связи с этим интерес представляет изучение дореволюционного исторического опыта боевой и нравственной подготовки военнослужащих. Изучение и научное обобщение этого опыта важны не только в аспекте исторической разработки проблемы, но и для практического решения вопросов морально-психологической подготовки военнослужащих в современных условиях. В работе обобщен новый материал по исследуемой теме, вводятся в научный оборот малоизвестные документы и материалы.

Ключевые слова:

Приамурский военный округ, приказ, служба войск, дисциплина, внутренний порядок войск, организация занятий военнослужащих, нравственные качества, караульная служба, хозяйственные работы.

Summary:

The article reviews the process of creating and forming the Priamurye Military District. The peculiarities of service and life of the district troops are identified and described. The author attempts to estimate the moral qualities of the military personnel. The high alert and the combat capability of the army along with the state military buildup are closely connected with the formation and development of the worldview spiritual bases of the servicemen that are carried out through the following types of education: political, patriotic, military, moral, aesthetic, physical, legal ones. In this regard, examining the pre-revolutionary historical experience of combat and moral training of the military personnel is of great interest. The investigation and scientific synthesis of this experience are important for historical development and practical solutions to the problems of moral and psychological training of military personnel in the modern context. The new material on the studied issue is summarized, the under-investigated documents and records are introduced.

Keywords:

Priamurye Military District, order, troop service, discipline, internal order of troops, training organization of the military personnel, moral qualities, guard duty, fatigue duty.

В последней четверти XIX в. обширный по территории Приамурский край находился в подчинении Иркутска, удаленного от него на несколько тысяч верст. Частые и срочные поездки должностных лиц по отдельным вопросам в окружное управление оказывались настолько неудобным явлением, что требовалось выделение Приамурского края из состава Восточной Сибири не только в особый административный, но и в отдельный военный округ. Это обусловлено тем, что обстановка в сибирских войсках, разбросанных на огромной территории, в стране с редким населением оказывала большое влияние на службу и обучение войск [1, л. 3]. Эта необходимость, начиная еще со времен графа Муравьева-Амурского, представившего первый проект разделения Сибири, признавалась большинством высших правительственных учреждений и лиц как по политическим, военным, так и по административным соображениям. Существенное разногласие во мнениях по этому вопросу было только относительно определения состава и границ нового Приамурского генерал-губернаторства. Так, одни ограничивали пределы нового района Приморской и Амурской областями, а другие также включали в его состав Забайкалье [2, с. 5].

В июле 1884 г. состоялось выделение Приамурского края в особое генерал-губернаторство и отдельный Приамурский военный округ, вышедший из состава Восточного Сибирского военного округа [3, с. 1]. Возглавил новые генерал-губернаторство и военный округ генерал-адъютант барон Андрей Николаевич Корф.

Период существования Приамурского военного округа условно можно разделить на два этапа: I – с 1884 по 1900 г. (образование и становление округа в мирное время), II – с 1900 по 1917 г. (участие войск округа в вооруженных конфликтах начала XX в.).

На долю командующего войсками вновь образованного округа выпало разобраться не только с множеством требований и нужд молодого края. На первых же порах пришлось сразу решать вопрос, который до тех пор еще никто не затрагивал, – вопрос о боевой готовности края [4, с. 6]. Необходимо было подготовить войска в кратчайшие сроки.

В условиях недостатка населения и рабочих рук все потребности вновь нарождавшихся населенных мест исполнялись при участии и содействии войск, что отражалось на их боевой готовности и качестве обучения. Только при правильном и внимательном распределении времени работ и занятий командиры могли успешно обучать людей по всем отраслям солдатского образования. В главных центрах, как, например, в Хабаровске и Владивостоке, посторонние влияния на обучение войск проявлялись сильнее вследствие увеличенной потребности в помощи войск при постройке помещений, охране различных объектов и пр. Но командование снисходительно смотрело на недостатки обучения, в первую очередь обращая внимание на рабочую и караульную деятельность батальонов и порядки в их хозяйстве [5, л. 3–3 об.].

Наряды, караулы и работы являлись неотложными. Начальники частей, невластные отсрочить или прекратить работы, ложившиеся на части в силу обстоятельств, исполняли их в ущерб учебных занятий, сокращая последние или откладывая на неопределенное время. И если при этом нижние чины исполняли полезные или неизбежные работы, то офицеры, не видя в казармах людей, привыкли вовсе не являться на занятия и проводили время в праздности или бесполезно для службы.

Иные офицеры, происходившие преимущественно из местных сибирских уроженцев, в большинстве своем не имевшие боевого опыта, стремились занять штабные, нестроевые, хозяйственные должности или стать начальниками конвойных и других команд. Такие офицеры усердно изучали письмоводство и счетоводство и пытались посредством этих знаний обратиться на себя внимание начальства, которое нуждалось в людях, знающих страну и способных занять административные, хозяйственные или судебные должности. В строю оставались люди менее способные и честолюбивые, довольствовавшиеся должностью ротного командира [6, л. 4–4 об.].

Офицеры, прибывшие на службу из Европейской России, оставались в рядах преимущественно стрелковых батальонов и добросовестно исполняли свои обязанности. При этом командиров волновал вопрос, каким образом удержать офицеров в округе по окончании трехлетнего срока службы, так как более способные из них всячески старались возвратиться в свои прежние части, где их охотно принимали. На службе в округе оставались только такие, которые по каким-либо причинам не могли рассчитывать на перевод в прежние места служения. Решение этого вопроса усматривалось в возможности уравнивать в правах и преимуществах всех лиц, вне зависимости от ведомства, к которому они принадлежали, за службу на далекой окраине. При существовавших на тот момент привилегиях строевой офицер не имел права ни на сокращенный срок службы до выслуги, ни на добавочный пансион за 10 лет выслуги, тогда как, например, казачьи офицеры за определенный срок службы в Сибири имели право возвратиться на службу в Европейскую Россию за счет казны [7, л. 4 об.].

В отдельную группу офицеров можно выделить преимущественно старших офицеров, которые числились в строю, но при этом находились при штабах и в командировках, не имевших ничего общего с военной службой [8, л. 5]. Это негативным образом сказывалось на возможности строевых офицеров, несших всю тяжесть строевой службы, претендовать на вышестоящие должности.

В числе прочего большое влияние на состояние войск оказывали разбросанность квартир и громадные расстояния, отдалявшие части войск от окружного управления. Если это неудобство при служебной переписке отчасти устранялось телеграфным сообщением, которое требовало немалых по тем временам затрат (в среднем от 700 до 1000 р. в год только на один батальон) [9, л. 5 об. – 6], то в плане контроля командиры подразделений (частей) были предоставлены сами себе, собственной инициативе и распорядительности. Поэтому они должны были являть собой образец не только в служебном отношении, как учителя и воспитатели своих офицеров и нижних чинов, но и как носители ценных нравственных качеств. Однако поддерживать свои командирские качества на высоте представлялось достаточно сложным, так как новые приказы, уставы, наставления и пр. поздно получались ввиду особенностей осуществления почтового сообщения: летом оно производилось пароходами, а зимой по льду. При непрерывности почтового сообщения корреспонденция из России достигала только Амурской области спустя два месяца, тогда как до Владивостока требовалось еще более значительное время. Весной во время вскрытия рек, а осенью при их замерзании корреспонденция не получалась вовсе [10, л. 6–6 об.]. Так, например, в приказе по войскам Амурской области № 127 от 10 ноября 1894 г. отмечалось: «...вопреки предписаниям... от 24 марта 1892 г. за № 26–29 о выписке по телеграфу наставления... таковых по настоящее время в частях не имеется...» [11, л. 35], т. е. войска в течение двух лет не получили необходимую литературу.

Особенно значимым неблагоприятным следствием больших расстояний являлось позднее прибытие в округ новобранцев, казаков либо офицеров и нижних чинов для доукомплектования штатов частей войск. Из Западной Сибири новобранцы добирались сначала в Сретенск и Нерчинск, а оттуда эшелонами сплавлялись с началом навигации вниз по Амуру и вверх по Уссури и, таким образом, прибывали в части спустя восемь месяцев после призыва [12, л. 7]. Такой продолжительный поход при неблагоприятных условиях с остановками под открытым небом оказывал вредное влияние как в физическом, так и в нравственном отношении. Поздно прибывшие в части, обленившиеся в походе молодые солдаты, постоянно отвлекаемые на работы и несение караула, обучались на скорую руку, неосновательно, и все приобретенные ими познания вскоре забывались.

При таких неблагоприятных обстоятельствах в быте и службе войск можно отметить следующие особенности состояния дисциплины, внутреннего порядка и организации занятий.

Постоянные наряды нижних чинов на работы не могли подчинить их строгому контролю, так что дисциплина и внутренний порядок систематически нарушались ими. Нижние чины, находившиеся в расходе без надзора, позволяли себе разные излишества и даже преступления вплоть до убийств во время самовольных отлучек. Во многих частях учет людей производился небрежно, так что для составления ведомости подробного расхода требовались целые сутки. Такой беспорядок показывает, что ротные командиры не следили должным образом за правильным расходом людей и что ближайшие начальники из унтер-офицеров имели возможность злоупотреблять увольнением людей на работы за вознаграждения в свою пользу. Такие увольнения в большей степени практиковались в казачьих частях, чаще в забайкальских и местных командах, где люди имели родных в местах своего служения.

Помимо этого, на сохранение внутреннего порядка и дисциплины оказывали значительное влияние постоянные и дальние командировки нижних чинов, как, например, для конвоирования арестантов. Имели место случаи, когда даже унтер-офицеры, подвергаясь воздействию арестантов, допускали важные отступления от обязанностей, в связи с чем почти в каждой команде находилось по несколько человек под следствием и судом или в дисциплинарной роте за подобные проступки, совершенные обыкновенно по почину или послаблению старших унтер-офицеров [13, л. 7 об. – 8 об.].

Начальники местных и конвойных команд, выражая своеобразный взгляд на дисциплину, заявляли, что сибиряк любит свободу, строгостью с ним ничего не поделаешь и что поневоле приходится смотреть сквозь пальцы на проступки, лишь бы не были допущены побеги арестантов. По их мнению, при малочисленности конвоя, считая по одному человеку на 10 арестантов, даже при соблюдении всех правил караульной службы в походе и на ночлегах, не имелось возможности предупредить побег в непроницаемую тайгу, через которую проходили дороги. Арестанты это знали, а потому можно считать, что не конвой вел арестантов, а арестанты численностью 100 и более человек вели конвой. Учитывая этот фактор, по желанию арестантов допускались остановки для отдыха, на ночлегах, при расквартировании по бытовых домам позволялись кутежи, свидания с женщинами и пр.

Между нижними чинами и ссыльнокаторжными, проживавшими в отдельных поселениях округа, также прослеживались панибратские отношения. Так, в своем письме начальник строительной части в портах Восточного океана к господину военному губернатору города Владивостока отмечал, что нижние чины 1-го Восточного Сибирского линейного батальона и Саперной роты позволяют себе ежедневно без какой-либо надобности посещать дома ссыльнокаторжных, проживающих на первой речке, организуют в них пьянство и беспорядок, что затрудняет как сам надзор над каторжными, так и поддержание между ними должного порядка [14, л. 79]. Мерой пресечения нарушений дисциплины в этом случае стал запрет нижним чинам входить в деревню.

Что касается организации занятий, у большей части войск округа отсутствовала возможность выделить время для весенних и осенних учебных занятий (хотя бы по два месяца), так как в основном оно расходовалось на работы и наряды. Даже лагерное время проходило в ежедневных нарядах в карауле и на работы. Больше всего таких нарядов на казенные работы выпадало на части, квартирующие в больших городах.

Например, во Владивостоке, кроме погрузочных работ в портовых учреждениях, батальоны назначались для спешной выгрузки с судов казенного провианта и прочих грузов, так что в течение целого лета не имелось возможности окончить даже курс стрельбы [15, л. 10 об. – 11]. В Хабаровске требовались рабочие для постройки казенных зданий и офицерского собрания. В связи с этим расход людей на работы и в караул был намного больше.

В конвойных командах положение солдат немногим отличалось от линейных частей. Конвоирование в течение нескольких месяцев арестантов негативно сказывалось и в физическом, и в нравственном отношении. Этот вид службы надолго отрывал солдат от места постоянной дислокации, и занятий в том числе.

Младшие командиры признавали, что караулы назначались в большем составе, чем это требовалось. Старшее начальство, чтобы оградить себя от ответственности за побег арестантов,

особенно государственных, назначали дополнительные посты, например при тюрьмах к каждой двери и воротам. Однако и эти меры слабо способствовали поддержанию дисциплины и выполнению нижними чинами своих обязанностей.

Примером может служить случай, произошедший в Благовещенской городской тюрьме. 30 октября 1884 г. пять человек арестантов, пользуясь оставленными открытыми дверями камер, бежали, перелезши через ограду заднего фасада тюрьмы, при содействии охранявшего этот фасад часового – рядового 2-го Восточного Сибирского линейного батальона Степанова, бежавшего вместе с арестантами.

Рядовой Степанов на первоначальном допросе заявил, что к побегу был подговорен одним из арестантов. Из характеристики на Степанова, представленной начальством, следовало, что он пользовался репутацией лучшего солдата 3-й роты батальона.

По окончании следствия командующий войсками округа в приказе № 5 от 6 января 1885 г. отмечал: «...Все вышеизложенное, кроме крайнего неустройства тюремных порядков в Благовещенской тюрьме, показывает, что в 3-й роте 2-го Восточного Сибирского линейного батальона не обращено должного внимания на исправное несение нижними чинами караульной службы и имеет место полное извращение понятия об оценке служебного положения солдат, что ставлю на вид командиру батальона. Командира 3-й роты предписываю арестовать на пять суток, а с фельдфебеля той же роты и с унтер-офицера того взвода, в котором состоял Степанов, взыскать по усмотрению командира батальона» [16, л. 7].

В целом караульная служба оказывала вредное влияние на солдат, потому что они, проводя каждые третьи сутки в караульном доме, в полном бездействии и сне в свободное между сменами время, становились ленивыми. В особенности это касается унтер-офицеров, которые забывали все, что не относилось к их обязанностям в караульном деле [17, л. 12].

Кроме караулов и работ части несли большой расход людей, командированных из строя на разные хозяйственные работы, число которых увеличивалось в областных городах. В батальонах кроме большого числа портных (до 100 чел. на батальон) имелись музыканты и их ученики, конюхи и водовозы (по 4 на роту), плотники, каменщики, сторожа, полицейские, парходная прислуга, писари и офицерская прислуга [18]. Всего до 200–250 чел. на батальон. Все эти люди (до 30 %) не обучались ни бою, ни стрельбе, носили название строевых и обходились казне дороже рабочих, которыми следовало заменить многих из этих нарядов, не имевших ничего общего с военной службой.

В саперных ротах обучение солдат также находилось в плачевном состоянии. Ежегодно с апреля они назначались на все лето на работы по сооружению дорог, зданий и укреплений, так что на занятия боевой подготовкой и стрельбой не было времени. К тому же, как было сказано выше, занятия в войсках проводились без участия обер-офицеров, и даже первоначальное обучение молодых солдат входило в обязанности унтер-офицеров [19, л. 12 об.], что также не способствовало качественному обучению.

В местных командах, где офицеры зачастую исполняли должность делопроизводителя, все обучение велось под руководством фельдфебеля и вице-унтер-офицеров, прибывавших сюда по окончании курсов в учебных командах. В этих командах обучением заведовали более способные молодые офицеры, но по укоренившимся привычкам и здесь в действительности обучение осуществляли старые унтер-офицеры, направляя все по старинным обычаям и уставам, не принимая во внимание изменения даже в вопросах строевых приемов и приемов с оружием, которыми, впрочем, все образование солдат и ограничивалось.

Таким образом, можно отметить, что на первом этапе существования Приамурского военного округа уровень нравственного состояния войск был низким, чему способствовал ряд объективных факторов службы и быта: удаленность и малонаселенность Дальневосточного региона, его неустроенность; комплектование офицерскими кадрами, зачастую стремившимися вернуться в Европейскую Россию; отсутствие времени для обучения войск и др. В результате этого становление и формирование боевых сил округа происходило болезненно, тяжело и в отсутствие должной дисциплины и порядка в войсках среди как нижних чинов, так и старших офицеров.

Несмотря на это, войска успешно преодолевали тяготы и лишения военной службы. Так, спустя всего лишь год с момента образования округа командующий войсками отмечал: «Осмотрев расположенные в Приморской области от Хабаровска до Владивостока части войск Высочайше вверенного мне округа, я нашел у людей везде необыкновенно здоровый и бодрый вид и превосходный дух, отличающий хорошие боевые войска... Относя такое отличное состояние Высочайше вверенных мне войск к пониманию своих обязанностей и честному отношению к делу всех – от генералов до рядовых, я объявляю всем войскам мое горячее сердечное спасибо и искренно благодарю всех строевых офицеров, непосредственно стоящих у дела образования войск, за достижение результатов, получаемых лишь при усиленном, продолжительном и энергичном труде...» [20, л. 80 об., 81 об.].

Ссылки:

1. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дал. Востока). Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.
2. Архив музея истории войск ДВО. НВФ № 3082. С. 5.
3. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 8. Иркутск, 1884. С. 1.
4. Архив музея истории войск ДВО. НВФ № 3082. С. 6.
5. РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–3 об.
6. Там же. Л. 4–4 об.
7. Там же. Л. 4 об.
8. Там же. Л. 5.
9. Там же. Л. 5 об. – 6.
10. Там же. Л. 6–6 об.
11. РГИА ДВ. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.
12. РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.
13. Там же. Л. 7 об. – 8 об.
14. Там же. Д. 29. Л. 79.
15. Там же. Д. 28. Л. 10 об. – 11.
16. Там же. Д. 34. Л. 7.
17. Там же. Д. 28. Л. 12.
18. Там же.
19. Там же. Л. 12 об.
20. РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 34. Л. 80 об., 81 об.

References:

Collection of the main official documents concerning the Eastern Siberia management 1884, vol. 8, Irkutsk, p. 1, (in Russian).